

II.

Борьба за естественность внѣшнихъ пріемовъ игры.

„Значеніе Щепкина въ исторіи нашего театра несомнѣнное и капитальное; въ сценическомъ искусствѣ онъ совершилъ такую же реформу, какой наша поэзія одолжена Пушкину: онъ сообщилъ ему *естественность* и *простоту*, уничтоживъ господствовавшую до того въ большей или меньшей степени ходульность, которая проявлялась во всемъ: въ голосъ (дикцію), мимикъ, жестикуляціи, походкѣ“.

Такъ опредѣляетъ Галаховъ ¹⁾ сущность щепкинской реформы русскаго сценическаго искусства и значеніе щепкинскаго творчества въ исторіи русскаго театра. Читая привѣтственные рѣчи, обращенныя къ Щепкину на празднованіи его полувекового юбилея, мы находимъ въ нихъ точно такое же объясненіе заслугъ Щепкина передъ сценическимъ искусствомъ. И вообще такое объясненіе получило общую распространенность, стало ходячимъ.

Мы думаемъ, что оно и не точно, и не полно. Оно не точно, ибо выработка естественныхъ внѣшнихъ пріемовъ игры взамѣнъ прежней ходульности не была результатомъ единичныхъ усилій Щепкина, и Щепкинъ съ своей стороны далъ лишь очень сильный толчокъ этой исторически назрѣвавшей метаморфозѣ сценическихъ пріемовъ. Оно не полно, ибо борьба за естественность внѣшнихъ пріемовъ игры, составившая чрезвычайно видную струю въ творествѣ Щепкина, однако, вовсе не исчерпывала собою всего смысла этого творчества и не являлась даже, на мой взглядъ, самой важной чертой щепкинскаго сценическаго реализма. И Щепкина необходимо надлежитъ считать основоположникомъ русскаго сценическаго реализма не потому, что онъ ратовалъ словомъ и примѣромъ за естественныя движенія, жесты и дикцію на сценѣ, а потому, что изъ этой внѣшней естественности онъ дѣлалъ не самоцѣль сценическаго творчества, какъ многіе другіе актеры-реалисты, а лишь необходимое внѣшнее средство для разрѣшенія

¹⁾ Галаховъ. Литературная кофейня въ Москвѣ, *Русск. Старина*, 1886 г., іюнь.